

Читают ли в России Библию?

Уважаемые коллеги,

я обречен начать свое небольшое сообщение с неизбежных оговорок, своего рода, попытки как-то «оправдаться». Дело в том, во-первых, что тема моя может показаться как бы не вписывающейся в круг проблем наших Чтений. Но так может только и именно **показаться**. При ближайшем рассмотрении должно обнаружиться – я постараюсь, чтобы это случилось, – должно обнаружиться, что вопрос, читают ли нынче в России Библию, имеет самое прямое отношение к теме нашей конференции.

Стратегически бесспорная, формула «Христос – исполнение закона и пророков» не может, конечно же, и потому не должна читаться как заклинание, **автоматически** обеспечивающее ее, формулы, триумфальную реализацию.

Для меня вполне представимо, что даже в судьбе человека, никогда и в глаза-то не видевшего Библию, может состояться, по благоволению Господню, счастливое, спасительное торжество той истины, которая стало названием Третьих Библейских Чтений памяти о. Александра Меня.

Но такое, я полагаю, не может быть массовым явлением. Более реальным – в статистическом, так сказать, измерении – видится постижение и глубокое уроднение заповедей Христовых (как исполнения Закона и пророков) в длительном, а лучше сказать, перманентном общении ревностного христианина с текстом Священного Писания.

Такой поворот темы наших Чтений делает для меня не просто возможной, но прямо-таки архинеобходимой постановку одного из самых злободневных, как мне кажется, вопросов современной миссионерской практики – обязывает задаться и вопросом (наряду, разумеется, со многими другими, не менее важными), а читают ли нынче в России Библию?

После первой должен сделать и другую, более короткую, оговорку: моя маета, она не столько богословская, сколько социо-публицистическая; хотя, разумеется, публицистические азарты мои родились не в отвлеченном пространстве, а в живой практике, в процессе непосредственного соучастия в реальном проекте «Перевод Священного Писания на современный русский язык».

Наконец, третья и последняя оговорка: размышления, которыми я собираюсь поделиться, родились и выстроились как попытка ответа на запрос извне. Мне была заказана и даже оплачена была статья. Я соорудил нечто на заданную тему, однако опубликовать сделанное мной не решились. Почему? – это, думаю, выяснится в ходе изложения, ибо сообщение мое и есть ни в какой мере не переделанная означенная статья.

Но итак вопрос: читают ли нынче в России Библию?

Начну с решительного заявления: нет, не читают! Предвижу, меня непременно спросят: не дань ли это пиаровской эксцентрике? – Вопрос такой, среди прочих, конечно же, будет задан мне. Что ж, ниже я приведу достаточные, надеюсь аргументы, которые рассеют подобного рода подозрения на мой счет и позволят мне остаться, что называется, «при своих», остаться в печальной уверенности, что нет, не читают.

Не читают. Именно так: не читают. Большинство в лучшем случае почитывает, а то и просто полистывает. Или вообще только поглядывает на нее, на Библию, благородно стоящую на полке.

С затаенной гордостью поглядывают на нее: она у них есть (в каждом приличном доме есть). Но в том-то и дело, что только «есть», а вовсе не «читается». Ведь если бы люди читали Библию, действительно читали, то есть исследовали (чуть позже попытаюсь объяснить, почему для меня «читали» значит «исследовали»), так вот, если бы Священное Писание в самом деле читали, не было бы в православном мире многого из того, что так печалит истинных патриотов, – роста ксенофобии, скажем; формализма мертвящего тоже не было бы; сребролюбия, говоря старинным слогом, и его не знали бы. От многого увело бы нас истинное чтение, а не одно только почитание (благоговейное удаление время от времени пыли со священного тома).

Случалось мне не однажды в некоем молодежном клубе, куда я регулярно заглядывал, спрашивать самых разных людей, читают ли они Библию. «Да читали», – утверждают. – «В самом деле читали?» – «Ну не врем же!». – Я верил: читали. Но вот свидетельство того, что в известном смысле все-таки не читали. Один молодой человек все время, так сказать, «наезжал» на Ветхий Завет и на главного «героя» его, на Бога Яхве: дескать уж больно жестокосерд, безобразно мстителен и т. д. и т. п. Я думаю, что такие оценки говорят о явном непонимании существа дела. То есть читать-то человек читал, но не прочитал.

Столь безотрадная (тягостная для меня) квалификация приведенного результата общения с Библией ни в малейшей степени не хула на человека. И дело здесь не в приличиях. Мы просто обязаны понимать, что прискорбный результат этот (тем более прискорбный, что отнюдь не редкий) совершенно закономерен, можно сказать даже, неизбежен.

Что я имею в виду? – Многое!

Здесь, прежде всего, сразу возникает вопрос, как понимать характер того особого текста, о котором у нас речь; как понимать его жанровую, если угодно, природу. Дело в том, что, с одной стороны, Библия – это повествование о вполне реальной истории, а, с другой, она – сложнейшая симфония бесконечного множества метафор. Текст Писания во многих случаях прямо-таки до осязательности эмпиричен и вместе с тем он тотально метафоричен, даже и там

метафоричен, где мы имеем дело как будто бы с предельной конкретикой и буквальностью.

Начнем с того, что многие суждения Создателя и пророков, как и описания самых разных событий, даются именно в метафорическом режиме. Скажем, когда говорится, что Господь «карает», о чем нас с удручающей регулярностью ставят в известность богодухновенные ветхозаветные повествователи, то это надо понимать не в полицейском, конечно же, смысле слова. Речь всякий раз о том, что Господом мир устроен так, что несправедливые деяния неотвратимо вызывают (если угодно по закону Ньютона: действия рождают противодействия), вызывают соответственные следствия, которые воспринимаются кем-то и могут быть описаны как некое волевое противодействие самого Творца.

Но даже и так понятое противодействие злу являет себя в логике объективной природы вещей. Эта природа задана, разумеется, Господом, Им же она, если угодно, хранима, но потому как раз и не попирается никогда Создателем в угоду тем или иным сиюминутным прихотям Его. Так что и в эпизодах возмездия и порой страшного даже воздаяния, не приходится говорить о «мстительности» в буквальном, житейском нашем толковании этого слова; и уж тем более нельзя даже в таких случаях подозревать в жестокосердии Бога. Речь здесь всякий раз о другом: о неотвратимости наказания, то есть о торжестве справедливости.

Не Бог жесток, а люди. В Книге Левит говорится, например, что человек, который хулил отца и мать, тем самым и обрек себя на гибель. Но ведь это именно он сам обрек себя на собственную смерть. В Писании так и сказано: на нем кровь его, на нем его собственная гибель, он сам произвел, породил ее. Ну, а описывается это условно, с отсылкой, так сказать, к Богу: дескать, в конечном счете все это именно Им устроено таким образом, что человек всенепременно пожинает плоды несправедности своей. Да, это Им устроен такой именно порядок вещей, в согласии с которым рано или поздно торжествуют закон и справедливость. Что говорить, тяжело такое устройство мироздания, но только для душ слабых и лукавых – поделом же, как говорится, мука вору. Только сам он и виноват, и неча на Бога пенять, коли...

Но вернемся на магистраль нашего разговора. Отношения с Библией не складываются порой и по другим причинам, а не только ввиду особой метафоричности священного текста. Нередко речь должна идти о таких языковых трудностях, с которыми не то что не может, а и не должен вовсе справляться современный читатель. Справляться должен не читатель, а другие люди. Трудности, о которых пойдет у нас разговор, очень часто происхождением своим обязаны переводчикам, которые, даже руководствуясь самыми благими намерениями, отнюдь не всегда были ограждаемы ими, этими намерениями, от становящихся со временем все более очевидными печальных ошибок.

Обратимся снова к примерам. В Книге Левит, в 29-м стихе 27-й главы ее, читаем (в Синодальном переводе, имеющем сегодня самое широкое хождение): «все зачатое, что зачато от людей, не выкупается: оно должно быть предано смерти» (Лев 27: 29). Прежде, чем надвинуться на прямо-таки зловещее доктринальное несоответствие, поясним для читателя, о чем здесь идет речь; поясним с оглядкой на контекст. В большей части 27-й главы говорится о возможности и праве человека посвящать любое свое имущество Господу (выражаясь современным языком, передавать его в церковное владение). Вместе с тем признается, притом как совсем не постыдное, право и выкупать некогда посвященное обратно. Резонным условием такого выкупа объявляется уплата пятой части прежней цены в дополнение к самой этой возвращаемой цене. Выкупу подлежит все что угодно, кроме одного. Это исключение как раз и оговаривается в 29-м стихе, о котором мы заговорили. Слово «зачатое» означает в Синодальном переводе «посвященное». Стало быть, текст надо понимать так, что выкуплен, отъят у церкви не может быть только человек (никто из/от людей). Эта первая часть стиха не вызывает сомнений, ничем не может смутить истинного христианина, но вот продолжение его («оно должно быть предано смерти»), продолжение это, конечно же, «напрягает», как говорят сегодня. Я ставил простенький опыт: читал самым разным людям этот стих, и все они, все как один именно «напрягались» и пусть и в разной форме, но совершенно одинаково по сути говорили, что им жутковато слышать здесь нечто «языческое» или по крайней мере «инквизиторское». «Стихийное» русское ухо читает оборот «предать смерти» как заведомо перифрастический, то есть как «убить». Понятно, что эффект такого – законного в логике русского менталитета – прочтения явно не согласовывался для «смущавшихся» с общим христианским пафосом текста.

Как же возникло представленное «кощунство»? Дело все было в том, что (не важно по каким уж там причинам) авторы Синодального перевода, не сильно озабоченные эстетикой его, не убоились (а зря, как теперь видно!), не убоились своей неосторожности, не «просчитали» неизбежную накладку, порождаемую несоответствием скоропалительно найденной языковой формулы тому, что они держали в уме. Как же быть теперь? – Ошибку надо исправить. Вернее, нужно рассеять недоразумение. В чем же это недоразумение, с чем оно связано? – Подвело неполногласие («пере» заменили на «пре»), и получилось не то, что хотели сказать, что держали в уме. Речь шла о том, что люди в отличие от всего другого, не выкупаются, передаются, передоверяются смерти одной. Иначе говоря, они остаются посвященными Богу (невыкупленными) до самой своей смерти. Их нельзя выкупить. Но их и не подталкивают к смерти (не передают ей), а просто оставляют в некогда случившемся состоянии до смерти, которая одна только получит права на них в свой срок. В выявленной

логике стих должен выглядеть примерно так: оно (и) должно (ы) быть передоверено смерти. Или: только смерть получит права на них в свой срок.

После примера из мало кем читаемой Книги Левит предложим другой – из текста каждодневного «пользования». В классической и всеми любимой, глубоко почитаемой молитве «Отче наш» есть формула, которую все «стерпливают» только потому, что в известном смысле не «читают» ее, то есть, читают, но не ее, а лишь свое, так сказать, «переживание» чего-то заведомо верного, дорогого, но, увы! скорее подразумеваемого, нежели прямо представленного в тексте. Если же «упереться» в собственно текст, то в формуле, которую мы так и не привели пока, не может не вызвать недоумения нечаянно (конечно же, нечаянно – в этом у нас нет ни малейшего сомнения), нечаянно зафиксированная, словесно оформленная, с позволения сказать, «логика». Мы взяли последнее слово в кавычки, потому что, как увидит сейчас читатель о логике-то здесь меньше всего и можно говорить, о доктринальной логике.

Но вот, наконец, и сама эта злополучная формула, к которой мы, что называется, «вяжемся»: «и не введи нас в искушение». Повелительно-просительная форма глагола в стихийно-нормальном режиме современного чтения роковым образом говорит о нарушении «презумпции невиновности» Господа, Который «подозревается» в способности и, может быть, даже готовности искушать слабых мира сего. Иначе как кощунственным такое представление назвать невозможно. Оно, слава Богу, и не является сознанию читателя, но только потому как раз, что читается, как мы уже сказали, не сама эта формула, а нечто другое, давно и привычно подразумеваемое по традиции.

Как и в первом случае (со стихом из Книги Левит), я опять-таки ставил неоднократно опыт: просил практикующих священнослужителей объяснить мне этот стих. Все они, сколько их ни было, начинали одинаково: «Мы имеем в виду...» На это я отвечал: «Что вы имеете в виду нечто лучшее, чем то, что прямо сказано в тексте, – это мне понятно. Но ведь это именно вы «имеете в виду». А что будет на уме у читателя, который впервые откроет Священное Писание, этого вы никаким своим «наперед-знанием» предопределить, конечно же, не можете. И вот, этот бедный читаель, не то, чтобы непременно, но весьма возможно (в силу как раз обыкновения читать буквально только то, что написано «топором») прочитает приведенный стих как свидетельство и о возможной угрозе, которая может проистекать от Бога. В качестве одной из альтернатив можно предложить вдумчивому (исследующему) читателю такое: «и оставь нас пред искушением». Не настаивая на такой именно версии, мы однако же твердо убеждены, что в любом случае от формулы «не введи...» нужно уходить.

Но кто будет «уходить?» – Тут нас выносит на третью причину того, что сегодняшнему читателю-неофиту «не в подъем» во многом темный для него текст Библии. Зайду на вопрос

опять-таки со стороны практики. Совсем недавно (буквально на днях) мне случилась на одном из радиоканалов услышать сетование некоего читателя-энтузиаста. Он рассказывал о том, как делился своими впечатлениями о книге «Сын Человеческий» с автором ее, с о. Александром Менем. Человек, как известно, широчайшей и основательнейшей образованности, автор не почел для себя обидным согласиться с 9-ю из 10-и сделанных ему замечаний. Более того, он обещал внести необходимые поправки в очередное издание книги. И обещание свое сдержал. Рассказав обо всем об этом, слушатель привел еще один пример, в другом уже роде: он вспомнил о том, как по обращении с «неудобными» вопросами к одному батюшке был просто изгнан из церкви. Сам этот слушатель, как может быть и те, кто внимал ему на радио, могли утешиться тем, что последним по хронологии «консультантом» спорщика был именно о. Александр Мень. Но где же наберешься на всех Меней этих, когда и тот единственный, которого мы знаем и помним уже не с нами? Я сознательно впал в гиперболу: не одним, конечно же, Менем жив православный мир, в котором далеко не все батюшки прогоняют «строптивцев». Однако же не секрет, что немало в этом мире таких церковных наставников, которые совсем не расположены к паритетному диалогу со своей паствой. «Исследованию» Библии в союзе с «задумывающимися» прихожанами многие из них предпочитают дежурное поминание истин Писания всеу.

Последнее прямо-таки обязывает меня вывести в осадок следующую мысль: читатели начнут исследовать Писание, когда этого захотят пастыри. Мне могут возразить, что иные пастыри уже и начали не почитать и почитывать только, но именно исследовать начали, размышлять, да только «толпа» вот к такому чтению не готова. Осмелюсь заявить, что означенное мнение есть удобная «клевета», любезная сердцу тех, кто таким образом «благообразно» оправдывает собственное нелюбопытство и лень. Мне лично случалось встречать очень многих людей, которые как раз «любопытствуют», «сомневаются», ищут, рискуют погружаться в глубины Священного Писания, но не находят поддержки своему «дилетантскому» энтузиазму. «Профессионалы» мнят себя выше их «детской» любознательности. А зря! Никогда не следует забывать завет Христа, что именно «детям», единственно им и стоит уподобляться. К этому можно присовокупить и другое свидетельство: «Духовенство наше не отвечает на вопросы народа давно уже. Кроме иных, еще горящих огнем ревности о Христе, священников...». Свидетельство это дорогого стоит. Сказал-то ведь это не иной кто, как Федор Михайлович Достоевский, не последний, кажется, христианин на Руси.

Так вот в этом-то все и дело. Сегодняшней Церкви всерьез, по-деловому, а не митингово-политически, как она пока предпочитает это делать, всерьез следует озаботиться религиозным просвещением народа. Но, конечно же, не в привычном тоталитарном тоне и

режиме, который не уберег когда-то Россию от трагедии 1917 года, а в безальтернативных, как нам представляется, алгоритмах сотрудничества с окормляемой паствой.

Когда начнется взыскиваемое временем обновление Церкви, тогда в России и сопредельных странах станут читать, воистину читать Библию.

Что же касается способностей «толпы», то вот пример из другой, что называется, оперы: в Старой Руссе давно уже из года в год проводятся Чтения, посвященные Достоевскому. Главные участники их – ученики обычных российских (по преимуществу деревенских даже) школ. «Дети» исследуют (!) Достоевского. Могут! Очень даже могут!